

Баллада о дереве (Excerpt in Russian)

Translated by: Nadežda Starikova

Contact of the translator: nstarikova@mail.ru

С того вечера в нашей семье все стало по-другому. Мы разговаривали. Большая часть разговоров велась за ужином, и речь шла в основном о планах переезда. Папа уже разослал запросы о новых вакансиях, с энтузиазмом и задором обсуждал полученные ответы, после первых отказов пришли приглашения на собеседования, и он был настроен оптимистично. Каждый вечер мама демонстрировала предложения квартир с сайта недвижимости rika.net. Мы говорили о финансовых возможностях, и мне нравилось, что нам с Иной разрешалось высказывать свое мнение. Но если кто-то говорил: «Фигня», то это нужно было обосновать. Что значит «фигня»? Чем тебе не понравилось? Почему? Что предложишь круче?

Я существовала в каком-то межумочном возбужденном состоянии. Продолжала жить, как будто ничего не изменилось. А могла бы по-другому. Меня больше не трогало, что кто-то из одноклассников строил козни или просто шипел за спиной. Я выпрямилась, перестал ходить согнувшись с опущенной головой и смотреть вниз, прячась за стеклами очков. Получала самые высокие оценки, чтобы они стали основой для поступления в люблянскую школу. Вдобавок той весной я получила самую престижную европейскую премию молодых музыкантов, чем прославила не только свою музыкальную, но и общеобразовательную школу. В конце учебного года меня назвали старшекласницей года. Я получила грамоту от мэра. Но скрыла от всех, что мы едем в Люблян. В душе я лелеяла эту новую возможность как решение проблем. Майя и ее папаша чуть не изничтожили меня своими желчными репликами. У одноклассников в мой адрес не замечаний. Класная произнесла какие-то банальности, директор тоже. Мне же было на них наплевать. Только бы свалить как можно скорее.

Мамины предложения по поводу нового жилья я выслушивала со всем возможным самообладанием. С самого начала предполагалось, что у каждой из нас будет своя комната. В душе на мгновение засвербило - как же я обойдусь без Ины? И сразу следующая мысль – мне же необходима своя комната. Где можно скрыться от всех и понять, наконец, что я из себя представляю и чего хочу от жизни.

Переезд был не таким простым делом, как казалось сначала. Потому что в жизни никогда не бывает так просто, как хотелось бы. Папе удалось получить работу в Любляне, из-за чего он стал больше ездить в столицу, мама и так много работала. Оба как будто получили новый стимул. И я тоже. Между собой они только это и обсуждали.

Мы решили снять квартиру в Любляне на лето и одновременно подыскивать подходящий вариант для постоянного проживания. Как только найдем что-нибудь приличное, займемся продажей квартиры в Приморье. На всякий случай нас с сестрой из школы не выписывали. Вдруг что-то пойдет не так, сказали родители. У меня замерло сердце. Нет, только не это! Пусть все будет по плану, в сентябре – выпускной класс в новой школе. В новом городе, в новой обстановке, с новыми людьми. Жилье, которое мы сняли на три месяца, с начала июля до конца сентября, было в районе Косезы, в знаменитых террасных многоквартирных домах. Двухкомнатная квартира с гудящими лампами, огромными креслами и постерами на стенах. На кухне вокруг стола стояло четыре разных стула.

Через три года я узнала, что уже тогда в соседнем корпусе жил мальчик, который изменил мою жизнь. Майк.

Отдельная комната была только у меня. Ина спала в гостиной с родителями. Ради скрипки, сказали мне они, чтобы ты могла спокойно заниматься. Это было глупо. Так с первых минут жизни в Любляне я оказалась одна. В ожидании, как все будет, долго не засыпала. Иногда ночью ко мне прокрадывалась Ина, и мы несколько часов проводили вместе. Чувствуя рядом ее потное тело, знакомый запах, я проваливалась в сон. Утром тихонько, не разбудив никого, она прошмыгивала обратно в гостиную.

Уже на второй неделе июля я во второй раз поехал на о. Хвар, на этот раз уже к новому педагогу Никите. Сначала он все время на меня злился. Все-то я делала неправильно. Как ты держишь руку? Да не эта, та, другая, правая называется. Написано *Andante!* Чему тебя только учили?! К завтрашнему дню отрепетируй вот этот пассаж. Я к такому обхождению уже привыкла, так со мной и Вили начинал. Оба в своих придирках были совершенно безобидны и беззлобны.

Друзей на Хваре у меня не было. Все остальные были лучше знакомы между собой, тусовались, гуляли по побережью и ходили вместе купаться. Признаюсь, я допустила ошибку. Когда они впервые позвали меня с собой, я вся сжалась и процедила, что у меня дел по горло. Во второй раз сказала, что сейчас приду, но не пришла. А в третий раз они меня не пригласили. Так я и осталась в гордом одиночестве. Чувствовала

на себе их насмешливые взгляды, подозревала разные выпады за спиной. Сама была в этом виновата, хотя в тот момент не хотела это признать. Виноват был этот чертов страх, сидящий во мне. Чтобы не почувствовать разочарования от общения с ними, я с самого начала от них отгородилась. Дерево опутало меня своими ветвями и закрыло собой, звуки окружающего мира доносились извне, словно происходившее там не имело отношения ко мне, только к другим. У меня была скрипка – вот это главное. Иногда мне казалось, что есть только она, что меня нет. Что я сама превратилась в скрипку, которая может поведать обо всем во всей красоте и совершенстве, ибо мир, в котором я хотела бы жить, совершенен как созвучие аккордов.

Из дома мне сообщали, как продвигаются поиски жилья. Точнее, как они не продвигаются. Квартиры в Любляне были или темной материей, или чудовищно дорогим удовольствием. Иногда с родителями ходил еще Ацо, папин двоюродный брат, архитектор. Редко какая-то из предлагаемых хат казалась ему подходящей по цене или опциям. Ина была на каникулах у дедушки с бабушкой, смотреть помещения ходили мама и папа. Возвращались вечером измученные и сытые осмотрами по горло. Я боялась, что кто-то из них скажет: все, нет смысла, остаемся в Приморье.

На Хвар на финальный концерт приехали все трое. Хотя мне казалось, что мы с Никитой не особо ладим, хотя другие музыканты смотрели оценивающе, презрительно щури глаза, мое выступление поставили в конец как завершающее важнейшее в концертной программе. Сыграла я блестяще. «Андалузский романс» Пабло де Сарасате, яростные взмахи смычка, энергия страсти. Когда я играла, мне казалось, что скрипка пускает во мне корни и они переплетаются с корнями моего дерева. Здесь и сейчас только я и моя скрипка. И никто другой мне не нужен.

Домой мы возвращались не торопясь, ехали самое большее два часа в день. Каждую ночь спали в новом кемпинге. Мои ни о чем меня не спрашивали, я им тоже не рассказывала, как все было. Они видели меня на итоговом концерте, им этого было достаточно. Я их тоже не спрашивала. Видела их усталые глаза, мне этого было достаточно. Уходила плавать далеко от берега и там, в море вслух громко произносила, чего хочу. Хочу начать все сначала. Хочу иметь приветливых одноклассников. Хочу хорошую компанию в музыкальной школе. Хочу знать, чего я хочу и что могу. Хочу, чтобы все было иначе не так как в Приморье. И я заклинала, заговаривала волны и верила в новое рождение.

Вдруг я обнаружила, что инстинктивно свернула с главной улицы в сторону бывшей школы. Хотя я все еще мечтаю шагать по неведомым тропам, ноги снова возвращает меня на старые пути. Подступило знакомое ощущение дурноты, сопровождавшее мое утреннее хождение в школу три года назад. Пока за меня не взялась Саба.

Саба. Открываю новое сообщение. *Ты где? Я в центре. Пересечемся?*

Я иду дальше по улице и снова думаю о тех первых осенних утрах, о том, как они нелепо не вяжутся с моими предыдущими ожиданиями. А потом вспоминаю, как все изменилось благодаря Сабе, приручившей эту стаю гиен. В кармане вибрирует смс-сообщение. *Третий час пишу мат., еще проверять. Приду не раньше 11-ти. Надеюсь, ты еще будешь в центре. Позвоню. Встретимся, где обыч. Сори.*

Какое сори, ты же придешь, Саба! Почему ты так сердечна со мной? Придет ведь. Урок пропустит, чтобы меня увидеть. Пишу ей в ответ: *Файн, позвони, когда придешь, удачи с математикой.*

Школа видна издалека. Дети уже внутри, вокруг никого, урок видимо уже начался. Только одна пожилая женщина медленно ведет мальчика в школу. Мальчик скачет, сумка подпрыгивает на плечах. Он опоздает, но обоим все равно. Поворачиваю от школы в сторону вокзала. Может быть, куда-нибудь дерну. Туда, где еще не была. Мысленно пересчитываю деньги, которые есть в кошельке. Денег мало, даже до Есениц не доеду, на обратный билет совсем не хватит. Разве что спрячусь в туалете. Мои губы кривятся в улыбке. Это было бы очень круто, нетипично для Ады! Мобильник снова жужжит, новое сообщение. Увидев имя, начинаю волноваться. Это Вэл.

Я в школе тебя нет пришел из-за тебя.

Звоню ему. Он отвечает, когда я уже готова сбросить.

«Да?»

«Вэл, я в городе, в центре».

«Зачем? У тебя музыкалка? Или ты у врача?»

О, Вэл, дорогой друг, ты хорошо меня знаешь!

«Нет. Просто так. Шляюсь».

Как легко это слетает с языка. Словно по привычке. Как само собой разумеющееся.

«Я иду. Уже выхожу», – решает Вэл в следующий момент.

«Буду примерно через полчаса. Где тебя найти?»

Договариваемся встретиться у якоря*. Телефон замолкает, я продолжаю осмысливать голос Вэла. Это все еще не настоящий Вэл, тот, что был раньше. Долгие, низкие гласные, язвительная быстрота ответов. Никакого знакомого сарказма или шутливости. Но я хочу его видеть, слышать его слова, поговорить с ним. И сейчас он придет.

Пытаюсь понять, о чем Майк думал в ночь на понедельник. Может, он этой ночью даже не ложился. Кто знает, какие бесы были с ним тогда. В какую пропасть он падал. Что хотел сказать этой своей последней смс-кой.

Завтра буду в школе раньше тебя. ВтМ.

Это было язвительное, враждебное предупреждение? Месть, потому что я его больше не слушала? Или мгновение света и любви, момент умиротворения перед грядущим мраком? Он так себя вел, когда его загоняли в угол. Мог долго оставаться на дне, не имея возможности подняться. А мог в один миг изменить свою точку зрения, стать выше всего этого, улыбнуться, сгенерировать новые идеи, снова быть любящим и оптимистичным.

Эти два варианта диаметрально противоположны. Если своим сообщением он готовил месть, его решение было связано с нелюбовью. С ненавистью ко мне. Но если его настиг проблеск спокойствия, значит, он простался со мной любовно. А потом забыл об этом. И охваченный новой волной страданий больше не думал обо мне.

Правды я не узнаю никогда.

Так или иначе, в школу он и, правда, пришел раньше меня.

ВтМ. Всегда твой Майк.

Меня опять охватывает злость. Не хочу идти у нее на поводу.

«Он тогда думал не обо мне, не о тебе, Ада», – произносит, наконец, Вэл, берет камень и бросает в воду. Как будто читает мои мысли. «Он и о себе тогда не думал».

«Я мало знаю о Майке», – признаюсь я. «Даже не знала, что он всерьез обкатывал в голове мысль о смерти, хотя мы с ним много об этом разговаривали. Он хотел об этом говорить, да, это его интересовало. И о самоубийствах тоже, но о других, о тех, что в литературе или истории. Какие были способы самоубийства, почему кто-то покончил с собой. Теперь-то я понимаю, почему это все его так интересовало. Он был тогда раздражен, зол на тех, кто покончил с собой. Видимо, из-за своего отца в том числе.

* Памятник в центре Любляны

Правда, я не особенно поддерживала этот разговор. Ведь... про самоубийство я мало знаю».

«Он и мне никогда не говорил, что сведет счеты с жизнью. Да, спорили, есть ли вообще смысл жить. Зачем жить, да. И что это в мире до фига несправедливости. И что трудно принять правильное решение. Но это не дискуссия о том, покончить с этой жизнью раз и навсегда или нет. Ведь не так же все херово! Ведь жизнь - то вверх, то вниз! Скажешь иногда в сердцах, чтоб оно все сдохло, но... на самом деле так не думаешь. А он идет и бросается».

«Тем же способом, как и его отец...».

«Невозможно поверить! Да, я помню, как было, когда его батя покончил жизнь самоубийством. Он же был упёртый. Да еще травма с той войны в Далмации, потому что его еще молодым заставили стрелять в людей, даже в своих соседей. Это, правда, херово. С этим батя ничего поделывать не мог, вот и самоубился. Майка это тогда абсолютно раздавило. Мы были в третьем классе. Он долго не ходил в школу, не мог. Я носил ему домой тетради, чтобы он переписывал и выполнял задания. Он не хотел играть, не хотел разговаривать. Какое-то время даже заикался. Полное самоуничтожение. А теперь, блин, идет и делает то же самое!».

Лексика Вэла всей своей грубостью резала слух. Но сейчас именно эти слова передавали все паскудство того, что произошло и что мы до сих пор переживаем.

В кармане вибрирует телефон. Смотрю на экран. Ина. *Тебя нет в школе, где ты?*

«Сори, я должна отписаться сестре».

В центре. Должна кое-что уладить, все в порядке. Сейчас общаюсь с Вэлом.

Ответ приходит моментально. *Ок. Береги себя.*

Буду беречь, дорогая сестра. Тем более сейчас, я ведь снова одна.

«Знаешь, что мне кажется? Что он себя абсолютно потерял. Не видел, куда идти дальше».

Мысль Вэла меня удивляет. И успокаивает. Как просто. Мы с ним снова долго молчим.

Дверь в спальню Дарьи открывается, мое сердце в смятении начинает биться сильнее. На кухню довольно медленно входит пожилая дама. Бабушку Майка я представляла себе иначе, похожей на старых теток, сторбленных и одетых в черное, которых мы привыкли видеть в Далмации, когда бывали на море. А перед нами стояла ухоженная дама с седыми волосами, женственно уложенными в пучок. Ее старую шею

украшало жемчужное ожерелье. Одета не в черное, а в пастельно-сиреневую блузку и темно-синие брюки.

«Е ли то Ада?», – спросила она, приближаясь к нам, с приятной улыбкой глядя на меня.

Я киваю, поднимаюсь и хочу дотянуться до ее руки, но тут она меня обнимает и так долго держит в объятиях, что я ощущаю слабый запах лаванды и лимона.

«Е моя Ада, што се то тебе догодило ...», – приговаривает она, покачивая меня в объятиях.

«Со всеми нами», - говорю я, отодвигаясь. – С вами тоже». Вглядываюсь в темные глаза. Майку они явно достались от бабушки.

«Па да, свима нама, то е ужасно. Али Дарья и ти ... найвише е то ваша болест. Али знай, - она берет меня за руки, - због тебе е био Майк сасвим други човиек. Сасвим други, свиетио е као сунце!».

«Он и меня изменил», – горько усмехаюсь я.

«И сад, са тим одласком, йош више, – кивает бабушка, и печальные слезы увлажняют ее глаза. – И ова куча че бити празна, Дарья», – вздыхает она, глядя на невестку.

Дарья между тем наполнила еще одну тарелку похлебкой и поставила на стол. Бабушка садится за стол, я возвращаюсь на свое место.

«Я, правда, не знаю, что теперь буду делать», – признается Дарья и дает себе волю: ее глаза снова наполняются слезами. «Наверное, буду целыми днями пропадать на работе. Что же еще остается...».

«Ма немой, мило мое, – бабушка придвигается к ней. – Свит че се вртит даље!».

«И что с того, что мир продолжит вращаться? Я больше не хочу этого видеть. У меня никого нет. Нет больше радости. Даже путешествовать больше не хочу. Да и вообще, с кем я теперь буду путешествовать?».

«А я с кем буду?»,- слышу я свой голос. Словно что-то внутри меня лопнуло.

* Это Ада? (один из диалектов Далмации).

** О, моя Ада, что же с тобой случилось.

*** Правда, для всех нас это действительно ужасно. Но Дарья и ты... вам обоим хуже всего. Но знай, что благодаря тебе Майк стал совершенно другим человеком. Совершенно другим, светился как солнце!

**** А теперь, с этим уходом, еще больше. И этот дом будет пуст, Дарья.

***** Нет, моя милая, мир будет вращаться дальше.

«Па идите вас двое заедно!*****», – без затей заключает бабушка и зачерпывает ложку супа.

Мы с Дарьей переглядываемся. И улыбаемся друг другу сквозь слезы.

«Правда, — говорит Дарья. Ты бы со мной поехала? В Ирландию? На Мадагаскар? Куда-нибудь еще?».

«Поехала бы». Удивляюсь, как быстро я это произнесла. Как просто. Кто-то тебя приглашает, ты соглашаешься, потому что этот кто-то тебе близок, вызывает доверие, и ты уверен что в его компании тебе будет хорошо.

«Ето, видите, само да се иде наприед, – кивает бабушка Майка. – И дочи чете код нас на Брач, заедно или свака за себе. Моя кчи и моя унучица. Што чемо, живит се мора!*****». Эти слова звучат странно. В конце концов, она потеряла сына. А теперь и внука. Но, может быть, именно поэтому она так стойчески переносит боль утрат.

Я бросаю взгляд на стенные часы. И вдруг испытываю острое желание начать жить обычной жизнью. С ее напряженным, быстрым ритмом, за которым едва успеваешь, потому что он состоит из повседневной рутины. Урок заканчивается. Начинается полдень. Мне пора укрыться в своем логове.

(перевод Надежды Стариковой)

***** Ну, так поезжайте вместе, вдвоем!

***** Видите, все продолжается! И приедете к нам на Брач, вместе или каждая сама по себе. Моя дочь и моя внучка. Надо жить, как ни крути